

Олег
ДИВОВ

**У БИЛЛИ ЕСТЬ
ХРЕНОВИНА**

НОВЫЙ ДИВОВ

Олег ДИВОВ

У Билли есть хреновина

«ЭКСМО»

2005

Дивов О. И.

У Билли есть хреновина / О. И. Дивов — «ЭКСМО»,
2005 — (Новый Дивов)

Ни одного нецензурного слова. Ни одного убийства. Ни одной сексуальной сцены. Только ругань, насилие и любовь. Такова новая повесть Олега Дивова, которую автор называет "приземленной космической оперой". Ее герои, Билли и Айвен, – чистое стихийное бедствие. Они вооружены, а их машины умеют летать в космос. Упав с неба на тихий американский городок, эти двое все перевернут вверх дном и всех поставят на уши. Не нарочно. Просто их попросят о помощи. А все из-за Билли, у которого есть одна волшебная хреновина. Шеф полиции еще пожалеет о своей просьбе, город понесет материальный ущерб, да и военно-космическим силам Земли достанется на орехи. Бей Чужих, спасай Галактику!

© Дивов О. И., 2005

© ЭКСМО, 2005

Содержание

Понедельник. День	5
Понедельник. Вечер	16
Вторник. Утро	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Олег Дивов

У Билли есть хреновина

Понедельник. День

Мы держались геройски, у нас с Билли сила воли ого-го, но на третий день я случайно увидел свое отражение в зеркале.

Выйдя из сортира, я кое-как отлепил напарника от барной стойки и потащил на улицу. Там Биллу малость полегчало, он меня опознал и спрашивает:

– Куда торопимся, Ванья? Бабло-то есть. До хрена бабла, хлоп твою железку!

– Зато психика не резиновая, – говорю. – Тебе на меня глядеть не больно?

Билли поморгал с минуту и отвечает:

– А я привык, хлоп твою железку.

Шутник. Сам Билли ростом почти семь футов и черный, как антрацит-металлик, аж блестит. Это к нему привыкать надо.

– Понятно, – киваю. – Короче, Билл, слушай мою команду – сейчас интенсивно трезвеем, отбиваемся в койку, а завтра с утра идем сдаваться копам. Осознал?

– Соси бензин! – возражает Билли. – Быстро трезветь нельзя. У меня посталкогольные страхи знаешь какие? Удавиться впору, хлоп твою железку.

– Не страшнее моих страхи, – говорю. – Стандартный набор. Экзистенциальный ужас, горькая дума о неотвратимости смерти, глубокое осознание бессмысленности всего. Эй, Билли! Напарник! А что у нас насчет силы воли?

– Она у нас ого-го, хлоп твою железку! – рапортует Билли, расправляя плечи.

– Значит, мы сумеем вынести предстоящее унижение с гордо поднятыми головами. И вообще, лучший выход из запоя – через трудотерапию.

– Тебя бы на мое место, – вздыхает Билли, снова уныло сутулясь.

Даже про «железку» свою любимую забыл.

А поздним утром понедельника мы, дыша перегаром, вваливаемся в полицейский участок и, раздвигая грудью всякую мелюзгу, топаем напрямик к лейтенанту.

Лейтенант нам широко улыбается.

– Неужто образумились? – спрашивает.

– Короче, – говорю, – мистер Гибсон, к черту лирику. Получаете нас в свое распоряжение сроком на одну неделю. По окончании срока вы снимаете арест с наших машин. Мы убираемся отсюда на полном газу и никогда, слышите, никогда больше не возвращаемся. Прошу запомнить, это целиком на вашей совести.

– Нервный вы какой-то, Айвен, – замечает лейтенант.

– Всем расскажу, что работаем из-под палки. Всем.

– Айвен, дорогой, – говорит лейтенант, – это и так ни для кого не секрет. Местные знают, что мне понадобилась ваша чудесная хреновина, но вы отказались, и тогда я вас прижал. Поверьте, народ на моей стороне. На стороне того, кто отстаивает интересы города, и кто вообще... Прав.

– Это мы еще посмотрим, чья сторона правая, чья левая. Ну, по рукам?

– Ладно, я разговор записал, – говорит лейтенант.

– Я тоже. И?..

– Значит, вы признаете, что у вашего сотрудника мистера Вильяма Мбе... Мбу...

– Мбабете. Вильяма Мбабете. Да, я признаю, что у Билли есть эта, как вы ее назвали, хреновина.

Лейтенант глядит на Билли, глядит на меня и вдруг спрашивает:

– А не врете, Айвен?

Я от изумления хватаю у него со стола бутылку содовой и выпиваю ее одним махом. Билли, который поутру вообще тормозной, а с похмелья окончательно утратил реакцию, выдергивает из моей руки уже пустую емкость и что-то укоризненно сипит.

– Вру, конечно, – говорю, отдышавшись. – Нету у Билли никаких уникальных артефактов. Это мы подумались чуток, а местные неправильно поняли. Зря вы нас задержали, мистер Гибсон, только печень обоим подпортили. Ну, расстанемся друзьями? Разрешите нам уехать подобру-поздорову?

Тут Билли меня отодвигает, просовывается к столу, нависает над лейтенантом и хрипит угрожающе:

– Отпусти по-хорошему, страшный белый человек, пока не началось, хлоп твою железку!

– Так, – говорит лейтенант, – вопросов больше не имею. Садитесь, вам сейчас кофе сделают. Кларисса! Зайдите.

– Воды! – хрипит Билли. – Много холодной воды! И капельку виски.

Появляется Кларисса, этакий пупсик современного американского стандарта, глаза бы не смотрели. Мордашка сделанная, ножки подправленные, бюст того и гляди треснет. Страшна, наверное, была до коррекции как смертный грех.

– Кларисса, будьте добры, принесите нашим гостям кофе. И еще холодной воды.

Билли протягивает длиннющую граблю и хватает пупсика за задницу.

– Пять тысяч каждое полужолие, хлоп твою железку! – заявляет он уверенно.

Пупсик разворачивается и дает хулигану в глаз. С руки, заметьте. Воспитанная, значит. А могла бы и каблуком.

– Все свое, кретин, – сообщает пупсик Биллу, выпадающему из кресла.

Удар у пупсика будь здоров.

– И спереди тоже? – интересуется Билли, сидя на ковре и держась за скулу. – Ты чего, андроид, что ли?

– Шеф, можно я ему добавлю? – холодно спрашивает пупсик.

– Не сейчас, Кларисса, он нам еще пригодится, – ухмыляется лейтенант, очень довольный. – Принесите все-таки кофе.

Пупсик задирает носик и выходит.

– У нее психоблок? – спрашиваю. – Тогда извините.

– Вы у себя в столицах вообще, что ли, сбрендили? – правдоподобно удивляется лейтенант.

– Просто мы с напарником жесткие натуралы и терпеть не можем деланных, вот и все.

– Ну, так вам тут раздолье. От нас последняя деланная в том году уехала. Соседи затравили. А Кларисса подрабатывала моделью, когда училась, ясно? Это деланные под нее косят. Эй, мистер Мбу... Вильям! Аптечка нужна?

Билли отнимает руку от физиономии и садится обратно в кресло.

– ...хлоп твою железку... – бормочет лейтенант ошарашенно, разглядывая целую и невредимую скулу.

– Это не ваша реплика, – говорю.

Заходит пупсик с подносом, шваркает его на стол.

– Спасибо, Кларисса, – говорю, – и простите моего напарника. Он не со зла. Мы, понимаете ли, отвыкли от людей, которые выглядят на сто тысяч долларов без коррекции. Все же кругом деланные.

– Уроды столичные, – фыркает Кларисса и хлопает дверь.

– Мы не уроды, – говорю я ей вслед, – мы-то с Биллом как раз очень даже ничего, когда не такие опухшие.

– Она имела в виду, что вы моральные уроды, – объясняет лейтенант. – Слушайте, мистер Кузнетсофф, давайте-ка возьмем кофе и пойдем немного прогуляемся. Надо обсудить детали. А напарник ваш пусть тут пока... Отдохнет.

Лейтенант все приглядывается к Билли, надеясь увидеть, как опухает угольно-черная морда. Да не на того напал.

– А можно я тоже на минуту выйду? – спрашивает Билли. – Совсем забыл, хлоп твою железку, мне в магазин надо.

Лейтенант выдвигает ящик стола и достает бутылку «Джека Дэниелса», в которой слабо плещется на доньшке.

– И ни грамма больше, – говорит. – А то я вспомню, кто здесь главный по обеспечению законности!

– ...И заодно главный по незаконному задержанию транспортных средств, – вворачиваю я.

– Дурака валять не надо, – говорит лейтенант. – Все было в рамках. А потом вы запили. Пока не протрезвеете, к управлению не допущу по любому. Идемте, Айвен. Мистер Мбе... Вильям! Будьте как дома, ни в чем себе не отказывайте.

– Дома я обычно без штанов хожу... – начинает Билли.

– Заткнись, – командует лейтенант.

– Осознал, – соглашается Билли.

Мы с лейтенантом берем кофе и выходим. Я украдкой подмигиваю напарнику. Видок у него еще тот, конечно, но проблески разума уже заметны. Оживает Билли. Держись, Кларисса.

У подъезда лавочка деревянная, крашеная. Эх, деревня! Обожаю. Лейтенант садится, я падаю рядом.

– Он артефакт на шее носит? – спрашивает лейтенант, отхлебывая кофе. – Вот так, запросто?

– Угу, на цепочке.

А кофе-то неплохой.

– С ума сойти. И что это?

– Если не вдаваться в тонкости, метеорит. Они все, эти хреновины, – метеориты.

– И где он ее взял?

– Из обшивки выковырял.

Лейтенант качает головой.

– Слушайте, Айвен, я с вами играю в открытую. Признаю, что мы на равных. Я не устроил вам серьезных неприятностей, вы вроде тоже не слишком лезете на рожон. Но... Зачем вы пытаетесь меня надуть? Ваш напарник, он ведь, согласитесь, малость придурковат, а?

– Ничего себе, – говорю. – Хорошего вы мнения о человеке, который может без запинки произнести словосочетание «посталкогольные страхи»!

– Вы же хитрец, Айвен. У вас наверняка была тысяча возможностей забрать артефакт себе. Значит, вам почему-то выгодно, чтобы камень носил Вильям и все считали, что артефакт – его. Вот я и хочу понять, в чем тут подвох. Нам же вместе на серьезное дело идти.

Допиваю кофе и швыряю стаканчик в урну. Урна хрюкает.

– Я бы вам посоветовал, – говорю, – мистер Гибсон, зарезаться бритвой Оккама. На вас, наверное, работа наложила отпечаток. Не надо, черт побери, так огульно всех подозревать! У нас честный бизнес. И сами мы честные ребята. Да, у Билли есть хреновина, которую он использует не совсем по назначению. Но, во-первых, ее наличие делает нас чемпионами в своей профессии, а во-вторых, кто вообще знает, для чего эта хреновина... Да ни для чего, наверное. Она же камень. Летела, никого не трогала, потом ей подвернулся кораблик, она об него стукнулась. На базе ее отодрали от обшивки, и Билли взял ее себе. Она его притянула. Слышали, такие хреновины сами выбирают хозяев?

– Поверить не могу, что этот Мбе... и вдруг – астронавт.
– Билли был моей правой табуреткой.
– Это вроде «хлоп твою железку»?
– Это второй пилот. А я командир дальнего разведчика. Оба уволены по медицинским показаниям. Это можно проверить легко. Да вы уже проверили. Еще вопросы будут?
– Ничего я не проверял, – цедит лейтенант сварливо.
– Осознал, – говорю. – Простите, не подумал. Конечно, мы же легендированные. Дальняя разведка официально не существует. Ну... Считайте, я вас в государственную тайну посвятил. От большой симпатии.

– «Хлоп твою железку!» – передразнивает лейтенант. Крепко Билли у него в мозгах натоптал.

Тут у меня ком щелкает на максимальном приоритете.

– Эй, Ванья! – говорит ком голосом Билли. – Прости, что отвлекаю, но там какой-то, извини за выражение, индивидуум лезет ко мне в салон.

– На штрафной стоянке? – удивляется лейтенант. – Не может быть.

– А ты сходи и погляди, хлоп твою железку!

– На МОЕЙ штрафной стоянке?!

– Соси бензин! – советует Билли.

Лейтенант вскакивает и бежит вокруг здания участка, я за ним.

– Это невозможно! – шепотом кричит лейтенант. – А как он узнал? У вас сигнализация деактивирована на машинах.

– За камушек подержался. Ему же работать с ним, вот Билли и готовится помаленьку.

– А вы, собственно, куда со мной? – шипит лейтенант. – Назад!

Я сам разберусь!

– Черта с два, – говорю. – Мы сигнализацию для вас отрубили, а не для воров. Этот дурак не ключом ведь замок ковыряет – отмычкой. Ключ-то в сейфе у вас, я надеюсь?

– Разумеется, в сейфе!

– Ну, значит, когда машине надоеет, она взломщика прихватит. Так и так меня звать придется.

– Ох, свалилось наказание на мою голову...

– Отпустите нас, и нет проблем.

– Цыц!

Лейтенант переходит на крадущийся шаг, выглядывает из-за угла, пытается что-то рассмотреть сквозь плотный сетчатый забор штрафстоянки. Бормочет: «Ах, чтоб тебя...» Легко снимает край сетки с углового столба и ныряет в образовавшуюся дыру.

В столице я бы от такой простоты обалдел. Здесь она меня умиляет. Ну, деревня.

Среди местных развалюх яркими пятнами выделяются наши с Биллом игрушки, синенькая и красенькая. И какая-то, простите, горилла в полицейской форме пытается вскрыть у синенькой водительскую дверь. Лейтенант, даром что жирный, крадется к горилле бесшумно и хищно, словно оголодавший лев. Горилла потеет и ругается, взломать замок «Тэ-пятой эво» само по себе утомительно, а у нас машинки не простые, спецзаказ.

Лейтенант останавливается у гориллы за спиной, думает-думает, а потом берет и этак по-свойски дает ей мощнейшего пинка под копчик.

Горилла с диким воплем размазывается по двери. Вероятно, она машинально втыкает отмычку в замок до упора, потому что срабатывает противоугонка.

Громкий треск электрошока. Горилла, издав то ли хрип, то ли стон, безвольно повисает на двери, окутанная легкой голубой дымкой силового поля. Проходит секунда, и горилла издает еще целый каскад звуков.

– Фу-у... – лейтенант зажимает нос.

У гориллы льется из штанин.

Лейтенант быстро обегает глазами окна участка, выходящие на задний двор. Народу в окнах полным-полно. Вон Кларисса хихикает. А вот и Билли зубы скалит. Нравится ему наша противоугонка, любит он ее публично демонстрировать.

– Ну, – говорю, – я вполне удовлетворен. Готов написать отказ от претензий. А можно вообще без протокола разойтись. Он ведь, сволочь, у местных не ворует?

– Еще как ворует, – вздыхает лейтенант. – Были жалобы, а я не верил.

– Сами тогда решайте. И зовите людей, я сейчас захват отключу.

Приходят трое здоровенных копов, прячут улыбки, стараются выглядеть деловито. Обнюхивают гориллу и сразу грустнеют. Поразмыслив, упаковывают гориллу в черный корнерский мешок, грузят на каталку и так увозят отмывать. Лейтенант, убитый горем, плетется к себе. Я проверяю замок, снова активирую систему и устремляюсь за лейтенантом. Немым укором.

– Ах, Марвин, Марвин, – лейтенант бормочет, – скотина ты бессовестная, надо же так меня подставить...

– Мы вам еще нужны? – спрашиваю елейно.

– Нет слов, как нужны, Айвен. Умоляю, останьтесь.

Надо же, коп, а интонации вполне человеческие. Может, и вправду беда у них тут. Тогда, если по-хорошему, надо помочь.

Опять ком щелкает высшим приоритетом. Джонсон, не иначе.

– Айвен, в чем дело? Я так понял, вы решили загулять в этой дыре на выходные, но сегодня понедельник, тебе не кажется?

Присаживаюсь на лавочку у подъезда, киваю лейтенанту, мол, сейчас подойду.

– Все живы, босс, техника в порядке, – докладываю. – Но есть загвоздка. Не посылайте нас больше в провинцию, а?

– Опять?! – орет Джонсон.

– Мы не нарочно, – говорю. – Мы в пятницу, как доставили груз, решили тут заночевать.

И направились в бар...

– Пьянь несчастная!

– Босс, мы не дошли до бара. Ехал фермер на пикапе, у него из колеса болты посыпались.

И все бы ничего, да у витрины магазина девчонки местные стояли. Билли их хватить в охапку и отпрыгнул. Девчонки визжат на весь город, а через секунду из-за угла фермер вырывается. И точно в эту витрину – бац! Катил бы он по улице прямо и вильнул, никто бы ничего не заподозрил. А то из-за угла. Дело ясное, что дело темное. Копы нам прямо в глотки вцепились. Мы, как обычно, в глухой отказ. А у них, видно, неприятности, и они слегка прижали нас. Я подумал и сдался им на неделю. Правда, тут возник шанс поторговаться, но денька на три мы все равно застряли.

– Не застряли! – уверяет Джонсон. – Вытащу. Сейчас Либермана найду, и сразу на старт. Либерман копов на гамбургеры порвет. Погоди, а как прижали вас?

– Да техосмотр. Несовпадение фактических характеристик машин с данными в паспортах.

– Понятно. Снова Билли трепался.

– При чем тут Билли?! Из машин это самое несовпадение во все стороны топорщится.

А я вам говорил. Люди-то не слепые.

– Но Билли – трепался?

– Слушайте, босс, – говорю. – Не в этом дело. Разрешите нам задержаться. У них тут, кажется, серьезные проблемы. Копы сначала выпендривались, а теперь начали упрашивать. Может, мы поглядим, что да как? Вдруг человек в беде.

– Вляпаетесь в неприятности, – рычит Джонсон, – пеняйте на себя! Могу подключить Вейланда.

Он всегда так изъясняется, наш Джонсон. Без паузы между руганью и проявлением заботы. Время экономит.

– А Вейланд нам друг?

– Благодарный клиент.

– Осознал, – говорю. – Это пригодится, но не сейчас. Пока, на мой взгляд, все хорошо.

– Почему тогда сработала охранная система?

Тьфу ты, черт. Если правду скажу, что в замке коп местный ковырялся, Джонсон озвевает и точно прилетит нас спасать. С Либерманом наголо. Карающим мечом полицейской коррупции и произвола.

– Детишки баловались, – говорю. – Пострадавших нет, конфликт улажен.

– Ну-ну, – Джонсон раздраженно фыркает и дает отбой, не прощаясь.

Я сижу на лавочке и мечтаю. Представляю, как здорово было бы сейчас оказаться за штурвалом своей машинки, выйти на трассу, набрать крейсерскую и спокойно пилить над широкими полями, зелеными лесами, высокими горами... И домой. И в гараж. И зайти в бар, и выпить много-много холодного-холодного пива. И лечь спать. Проснуться свежим, отдохнувшим, принять новый груз, да ка-ак рвануть через полстраны! – хорошо бы туда, где снег, я соскучился по снегу.

Еще жениться хочу. Жениться-остепениться. Это, наверное, с похмелья.

Кларисса мне подошла бы вполне.

И подходит Кларисса.

– Мистер Кузнетсофф, лейтенант ждет вас.

Вообще, лейтенант мог бы и на ком стукнуть. Или ему по должности на мелочи размениваться не положено?

– А что, мистер Кузнетсофф, – спрашивает Кларисса как бы невзначай, – это правда, у вашего коллеги Всевидящий Камень?

Хороша девка. Прямо не верю, что натуральная. И этот носик вздернутый... Носик-глазки. Мой типаж. Бюст великоват, но что подделаешь, здесь юг. Зато ноги гениальные. С почти неуловимой кривинкой в голени. Вроде нет ее, а она ведь есть. Такие ноги может «построить» только очень талантливый корректор. Обычно ноги делают прямые, как карданный вал. И сразу в имидже что-то важное срубается. Что-то природное, натуральное. Очарование уходит.

– А?... – переспрашиваю глубокомысленно.

– Вам плохо, мистер Кузнетсофф?!

– Напротив, милая Кларисса. Я смотрю на вас, и мне хорошо. И никакой я не мистер, а просто Иван.

– Ивфа-ан... – выдает она с придыханием.

Какое счастье, что рядом нету Билли. Он бы сейчас начал истерически ржать и биться головой о стену. Знает, как я это американское «Ивфа-ан» ненавижу. И все мечтаю, что найдется девчонка, которая произнесет мое имя нормально.

– Лучше, наверное, Айвен. Кажется, меня ждет лейтенант?

– Да, мистер... Айвен.

У двери я на миг оборачиваюсь.

– Вы спрашивали, что за штуковина у Билли. Разумеется, Кларисса, это Всевидящий Камень. И он работает. Сами знаете, каким образом Билли выручил сестренку Харт. А что?

– Это удача для города, Айвен, – говорит Кларисса, глядя мне прямо в глаза. – Мы и не думали заполучить человека с таким артефактом. Но приготовьтесь, лейтенант сначала испытает вас.

– Черт побери, что у вас за проблема?!

– Если лейтенант поверит в артефакт, он скажет.

Вздыхаю. Деревня, она и есть деревня. Провинциалов считают легковверными только те, кто вырос в мегаполисах. А деревенский раз облагается – кличка обидная на всю жизнь.

Я сам из деревни, мне ли не знать.

Билли с лейтенантом сидят, в гляделки играют.

– Чего набычились, – спрашиваю, – братья по разуму?

– Вас дождаемся, – говорит лейтенант. – Это вы с боссом общались?

– Босс дает карт-бланш. Но просит намекнуть одному лейтенанту, что в штате фирмы числится патентованный специалист по укрощению полицейских. Осознали? «Адвокат Либерман» вам ничего не напоминает?

– Слово «адвокат» мне несомненно знакомо, – кивает лейтенант. – А вот слово «либерман» слышу впервые. Хм-м, что бы оно значило?.. Ладно, к делу. Вильям, вы как? Готовы хлопнуть мою железку?

Билли скалится неприязненно. Огорчило моего коллегу то, что случилось на штрафстоянке. Билл только с виду раздолбай, на самом деле тот еще педант, непорядка не любит. И сейчас винит во всем лейтенанта. Отчасти справедливо, я думаю.

– Вильям готов, но сегодня, что называется, в полпедали, – оцениваю я. – А завтра, пожалуйста, на все деньги.

– Я сегодня невозможного и не потребую, – обещает лейтенант. – Прогуляемся чуток, развеемся, и отдохайте.

– «Развеемся», – цедит Билли. – Клоунов нашел.

– Нет уж, – усмехается лейтенант, вставая и поправляя на поясе кобуру, – нам клоунады в выходные хватило. Давно здесь такого не было, чтобы двое залетных целый бар выпили.

У меня сразу начинает чесаться нос.

– Доводить людей не надо, – говорю. – Мелочными придирками. Ну, пойдем, Билли, покажем, на что еще залетные способны.

– С места до ста миль за четыре секунды, – оживает Билли. – Эй, лейтенант, забьемся на двадцатник, хлоп твою железку? Только главную улицу нам освободи для разгона.

– Соси бензин! – рявкает лейтенант.

– Ага, Ванья, он осознал!

Лейтенант, бормоча что-то про «кретинский столичный жаргон», распахивает перед нами дверь.

Идем по городу, раскланиваемся со знакомыми и незнакомыми. Местных три с половиной тысячи, считай, все всех знают. А если и забыл, кого как по батюшке, отчего бы просто не поздороваться.

У нас в селе такие же порядки были. Несмотря на отсутствие сливной канализации и магистрального водоснабжения.

Зато у нас дома стояли – хоть танком об них колотись. Не то, что тутошние, рядом с которыми машину запарковать страшно, того и гляди сдует. Правда, здесь тепло. А все равно, как они в этой фанере живут, поражаюсь.

Но люди в целом очень славные. Особенно по контрасту с мегаполистами, у которых улыбки как приклеенные, и фальшивые насквозь. Тут улыбаются тоже много, а видно – от души.

Я-то вижу.

Домик стоит беленький-беленький, типичное жилище немолодой и непьющей леди, я сразу понимаю: нам сюда. Лейтенант только к звонку, а дверь уже настезь.

– Здравствуйтесь, молодые люди! – радуется округленькая дамочка лет пятидесяти, вся в розовом. – Здравствуйтесь, лейтенант!

– Мы по делу, миссис Палмер, – лейтенант снимает фуражку, приглаживает редкие волосы.

– Но сначала вы непременно выпьете холодного лимонада!

Одиноко тетке, и не просто одиноко. Дом как дом, внутри еще аккуратнее, чем снаружи, но весь пропитан ощущением потери. Кто-то ушел отсюда с намерением не возвращаться...

Черт побери, я-то чего себя накручиваю?! Это Билли у нас герой дня. Его артефакт востребован.

Лимонад натуральный и вкусный.

Мы располагаемся в гостиной, нас определяют по креслам. Дамочка присаживается на диван, складывает пухлые ручки на коленях, приготовилась терпеть носовой платок.

Билли снимает с шеи цепочку.

– Ой, можно посмотреть?

– Конечно, мэм.

– Нет-нет, мистер, только глазами. Вот он какой... Спасибо.

Билли зажимает камень в кулаке. Маленький черный камушек. Есть в городе хоть один, кто не знает о нем? Сомневаюсь. В принципе о волшебных небесных камнях что-то слышали все. Это была популярная тема лет десять назад. Сейчас заглохла. Пилотируемая астронавтика сдулась, как мыльный пузырь, в космосе работают автоматы. Живых астронавтов мало, возможность столкнуться с носителем артефакта стремится к нулю, а значит, невелик шанс проверить его чудесные свойства. Если бы мы толпами по дворам слонялись, тогда да, не стихали бы пересуды. А так... Сколько народу Билл осчастливил? Сотню? Две?

Не считая, конечно, тех, от столкновения с кем он почти ежедневно уклоняется на трассе.

– Расскажите, миссис Палмер, – просит лейтенант.

Ну, вот она уже тербит платок.

– Понимаете, мой Ронни... Мой сынок. Он брокер в Чикаго. Раньше он довольно часто говорил со мной...

Врет. Не часто. Очень редко.

– ...А последние два месяца я не могу с ним связаться. Его ком заблокирован. И мне сказали, что по тому адресу, который у меня был, Ронни не проживает. Я очень тревожусь... Показать вам его фотографию? Ох, как я не догадалась, сейчас принесу!

– Не надо, – сухо говорит Билли. Он, конечно, слегка похмелился, но ему этого мало, и телячьих нежностей от него сегодня не дождешься.

– Не надо? – переспрашивает дамочка удивленно.

Лишь бы Билли ее до слез не довел. Платочек уже скомкан.

– Будьте добры, мэм, вызовите в памяти образ Ронни. Это гораздо лучше фотографии. Подумайте о сыне. Можете закрыть глаза.

– Да, да...

Билли тоже закрывает глаза и плотнее сжимает кулак.

Лейтенант смотрит на Билли так, словно готов пристрелить его при первом же резком движении.

Свисающая из кулака цепочка легонько раскачивается. Туда-сюда. Туда-сюда. Как бы не загнипотизироваться. Я тоже недостаточно похмелён.

Билли делает мощный выдох и разжмуривается. Бросает короткий взгляд на подобравшегося лейтенанта.

– Вы-то, – говорит, – чего так напряглись, мистер Гибсон? Напрягаться – моя работа. А ваша – других напрягать.

Лейтенант открывает было рот, но тут вклиниваюсь я.

– Будь хорошим мальчиком, Билли, не тяни резину.

– Осознал, – кивает Билли. – Ну, что вам сказать, миссис Палмер. Ничего страшного. Но мое сообщение может несколько удивить вас.

– Мой мальчик... Он здоров?

– Здоровее нас всех, мэм. Будьте любезны, припомните, Ронни никогда не говорил вам, что его привлекает карьера военного?

Лейтенант уже не готов пристрелить Билли. Он пытается сопоставить два образа – тот, что «соси бензин», и вот этот, с грамотно построенными фразами.

У Билли даже осанка переменилась. Он сидит, как аристократ, черная дылда. Как царь небольшого, но опасного народа.

– Военный... – шепчет дамочка и бледнеет.

– Насколько я понял, мэм, ком вашего сына заблокирован неспроста. Ронни сейчас в каком-то закрытом лагере. Это очень похоже на вступительные тесты войск специального назначения. Так что наберитесь терпения – еще месяц он не ответит. Если, конечно, раньше не даст слабину. Хотя у меня сложилось впечатление, что ваш сын полон решимости продержаться до конца. Он упорный парень.

– Спецназ... О, боже! Но разве туда берут кого угодно?

– Простите, мэм, но ваш сын не «кто угодно». Он морпех.

Дамочку, кажется, сейчас хватит удар. В переносном смысле. Физического здоровья у нее на двоих.

– Ну, мы пойдем, миссис Палмер, – быстро говорит лейтенант. – Будем надеяться, что все так и есть, как сказал Вильям. Рад за Ронни, рад за вас, безусловно, проверю информацию по официальным каналам...

А сам меня за рукав дергает.

Билли встает и отвешивает миссис Палмер церемонный поклон.

Миссис Палмер терзает платок и бормочет: «Ронни, мой Ронни, как же ты мог так расстроить мамочку...»

Лейтенант чуть ли не волоком тащит нас на крыльцо.

– Уффф! Успели сбежать. А то сейчас начнется...

Из-за двери раздается тихий, но уверенный вой.

– Пошли, пошли! – командует лейтенант, толкая нас от дома.

Вой набирает обороты.

– Спасибо, Вильям, – говорит лейтенант, протягивая Билли руку. – И простите мне эту небольшую проверку. Я просто обязан был, понимаете? Ну, согласитесь... Все так и есть, Ронни никогда не работал брокером, он капрал морской пехоты и очень хорошо себя чувствует.

У Билли цепочка по-прежнему свисает из кулака. И этот кулак он подносит к физиономии лейтенанта. Без угрозы. Просто тычет кулаком ему в нос.

– А эта Палмер, дура набитая... – лейтенант обрывает фразу и застывает с открытым ртом.

Сейчас Билли ему влепит за «небольшую проверку».

– Вы, мистер Гибсон, – говорит Билли, растягивая слова и глядя сквозь лейтенанта, – всегда были влюбчивы. Но еще вы были неисправимым романтиком. Поэтому ни одной из своих женщин вы никогда не изменяли...

Повисает мучительная пауза.

А в беленьком домике все громче воют и уже вроде бы рычат. Сейчас кидаться начнут.

– И супруге вы не изменяете, даже когда очень хочется...

У лейтенанта из-под фуражки стекает обильный пот. Лейтенант страшно, до судорог, боится того, что Билли может сказать дальше. Ведь соврет, зараз – и не проверишь. А и не соврет – не докажешь. И мучайся потом до конца своих дней, до посинения и трупного окоченения.

Билли медленно-медленно расплывается в улыбке.

– Такие дела, лейтенант! – победоносно сообщает он, убирает кулак и вешает камень на шею.

Сует руки в брюки и уходит, держа курс на центр города.

Лейтенанта забирает нервный тик. Щека дергается.

– Облегчить вашу участь? – говорю.

Лейтенант хрипит, откашливается и наконец спрашивает, пряча глаза:

– Как – облегчить?

– Билли не может вычислить то, на что намекал. Он легко установит, где сейчас ваша жена или как себя чувствуют ваши прежние симпатии. Но прощупать их на предмет неверности – фигушки. Не его амплуа.

Лейтенант недоверчиво на меня косится.

– Это Всевидящий Камень, – объясняю. – Просто Всевидящий. Не путайте со Всезнающим.

– И такой есть?!

– Айвен! – орет Билли издали. – Хлоп твою железку, ты идешь, или что?

– Информация никуда не исчезает, мистер Гибсон. Все наши поступки оставляют следы.

Но это вне компетенции Билли. Он видит то, что есть здесь и сейчас.

– Как же он так вскрыл мое прошлое?

– Легко. Ведь оно запечатлено в вас, мистер Гибсон.

Лейтенант размышляет.

– Осознали? Вот и чудесно. А нам с напарником полезно будет пропустить по кружечке холодного пива. Не бойтесь, запой окончен. Где мы обретаемся, знаете.

Возвращается Билли. Кладет руку мне на плечо. И говорит лейтенанту сверху вниз:

– Без паники, лейтенант. Все будет штатно. Я тебя уже простил. И даже Марвина твоего вонючего простил. Раз уж нам работать вместе, ссориться нельзя. Людям доброй воли надо держаться заодно. Командой надо быть, хлоп твою железку! Осознал? Но если кто еще прикоснется к машинам – бензина отсосет по полной. И ты мне не мешаешь. Идем, Ванья.

Билли меня уводит, а лейтенант остается стоять на тротуаре, думая, не совершил ли он, случаем, ужасной ошибки, задержав нас в городе.

Я это затылком чувствую.

И то, что лейтенанту позарез нужна помощь в каком-то затянувшемся безнадежном расследовании, – тоже чувствую.

– Сейчас по пиву и обедать, – мечтательно произносит Билли. – А здесь ничего. Славное местечко, и народец смешной.

– Жарковато только.

– А мне самое оно.

– Кто бы сомневался. Билл, давай все-таки сходим в Африку, если будет груз. Разок, а?

– Хрена, – Билли мотает головой. – Договорились ведь. У меня психика тонкая, ранимая.

Не могу я смотреть на бардак, в котором живет народ моих предков.

– А я, значит, могу?

– Это у тебя дурацкий русский стереотип. Ах, несчастная Россия, как в ней все плохо! Любите вы приbedняться. Не заметил я, чтобы у вас там было плохо. Жратвы навалом, кругом блондинки и «Мерседесы». Вот на моей исторической родине – точно жопа.

– В Намибии, говорят, «Мерседесов» еще больше, чем в России...

– Эй, мистер! Можно вас на минуточку?

Два шкета лет по десять, оба в футболках с надписью «Уличный гонщик». Понятненько.

– Мистер, мы тут поспорили... У вас же «Локхид Альбатрос Т5»?

– Целых два, сынок, – Билли улыбается во всю физиономию.

– «Тэ-пятая» может выйти в космос?

– Что ты, дружище! У «тэшки» потолок двадцать миль. И, по правде говоря, она неустойчива уже на восемнадцати. Болтается, как мыло в ванне.

– Я же сказал! – торжествует один шкет. Другой опускает глаза.

– «Тэ-пятой» просто не надо ходить так высоко, – объясняет Билли. – Это машина для трассы. Отличная машина, очень быстрая.

– Спасибо, мистер.

Мы идем своей дорогой, мальчишки позади обмениваются тумачками. Начал, конечно, проигравший.

– Честный ты парень, Билли, – говорю. – Правдивый.

– Мальчика интересовал потолок «Т5». Я дал ему справку.

– А если бы он спросил – мистер, у вашей «Т5» какой потолок?

– Тогда бы я сказал – мальчик, у меня не стандартная «тэшка», а «Т5 Эволюция»...

– А если он...

– Ваня, почему ты такой зануда?

– Просто болтаю, – говорю. – Хочу отвлечься. Понимаешь, там, в баре, под стойкой, бочонок охлажденного светлого пива. И он меня зовет. Он кричит: «Ваня, беги скорее, выпей меня!» Чтобы не сойти с ума от его воплей, я создаю помехи.

– А мне, – Билли вздыхает, – ужасно хочется за руль. И на трассу.

Да, за руль и на трассу... Я смотрю в небо и вдруг понимаю: уже несколько лет не видел Землю.

Когда долго не видишь Землю со стороны, начинаешь относиться к ней неправильно. Как к некой твердыне, которую можно попирать ногами. А Земля-то живая. Одно время я мечтал всех идиотов, которые тут устраивают войны и прочие гадости, вытащить на сотню миль вверх и заставить их осознать, где они на самом деле живут. И как осторожно тут надо себя вести.

Только с годами я понял, что между «ними» и нами есть принципиальная разница. Им можно показывать все, что угодно.

Они просто не осознают.

Вспоминаю свое грустное открытие, и душу заполняет тоска, но я вовремя говорю себе: Иван, это всего лишь посталкогольные страхи.

А тут как раз и бар на дороге случается.

Из бара выходит, нетвердо ступая, местный забулдыга, видит нас и орет на всю улицу:

– Билли, старина, хлоп твою железку! Спроси у камушка, с каким счетом «Быки» на той неделе «Ястребов» порвут!

– Соси бензин! – рекомендует Билли.

Как многие высокие мужчины, Билли терпеть не может баскетбол.

Понедельник. Вечер

Поселили нас у бабушки Харт. Отец спасенных девчонок сразу так заявил: мужики, я для вас последние штаны сниму, но в дом к себе ночевать не пущу. Сами видите, девки кровь с молоком, секс из ушей хлещет, втрескаются в залетных и сбегут – оно мне надо?

Честно говоря, «девки» были так себе, а глазки нам строили напропалую, поэтому мы с Биллом дружно согласились, что Харту оно совершенно не надо.

А бабушка Харт оказалась чистое золото. Устроила, накормила, спать уложила, разве что сказку на ночь не прочла. И все с достоинством, без суеты и глупого сюсюканья. Меня прямо на лирику пробило – вдруг подумалось, до какой же степени иногда надо холостому мужчине средних лет ощутить тепло материнской руки. И Билли сказал: ой, маму вспомнил!

Но сначала был вечер трудного дня понедельника.

Мы пришли из бара самую малость навеселе, думая слопать вкусный обед и расслабиться. Я еще дома скачал новый тюнингový каталог и все никак не успевал в него залезть по-человечески. Правда, мой ком уверял, что в ночь с пятницы на субботу я просмотрел каталог от корки до корки, а следующей ночью даже пытался что-то заказать, но не смог корректно ввести номер кредитки.

Билли намеревался выяснить у бабушки, где тут развлекается молодежь, пойти туда, случайно встретить Клариссу и как следует вскружить ей голову.

«Смотри, побьют!» – заметил я, но Билли только хмыкнул.

В таком вот благостном настроении мы уселись за бабушкин стол, ломившийся от яств, и все было замечательно, пока одна брошенная вскользь фраза меня не насторожила.

– Значит, Ронни Палмер все-таки подался в армию... – как бы невзначай сказала бабушка.

И я понял: сейчас начнется.

Гость пошел косяком, едва мы отвалились от стола. Бабушка очень ловко уговорила нас задержаться в гостиной, попить кофейку. А там уже как-то сами собой нарисовались и старина Джек, и хохотушка Молли, и вдова Креймер, и шумное семейство Роудсов, и отставной полковник Зовите-Меня-Просто-Полковник, и еще до черта соседей.

Все они, разумеется, просто шли мимо и решили заглянуть на огонек.

Кроме тех, кто традиционно в понедельник заходил полакомиться знаменитым яблочным пирогом бабушки Харт.

И тех, кто обычно по понедельникам обменивался с бабушкой кулинарными рецептами.

И еще тех, кто всегда по понедельникам консультировался с бабушкой насчет подкормки для декоративных растений.

Это, конечно, легко делалось через ком – если не считать пирога, – но здесь так было не принято. Здесь ходили в гости.

У меня сложилось впечатление, что строго по делу к бабушке зашел только старый Эйб Певзнер: ему нужен был паяльник, и, получив искомое в руки, он даже пытался улизнуть – но деда сцапали и усадили есть пирог.

Разговор перетекал от темы к теме и никак не мог зацепиться за вопрос, интересующий всех. Наконец Билли, которого неумолимо тянуло в места развлечения молодежи, тяжело вздохнул и, улучив короткую паузу, заявил:

– Между прочим, друзья мои, раз уж вы все здесь, может, я в состоянии отблагодарить город за гостеприимство?

Формулировка мне показалась не самой удачной – все тут знали, что лейтенант задержал наши машины. И с какой целью – тоже знали.

Но Билли не дал местным времени смутиться. Он просто снял камень с шеи, взял его в кулак и спросил:

– Вы ведь хотели бы прояснить один момент, уважаемый полковник? А давайте-ка спрячемся на кухне, чтобы никому не мешать.

И пошло-поехало. Билли только просовывал голову в дверь и говорил: ну ладно, миссис Креймер, я же не слепой, вы что-то потеряли и никак не можете найти... Заходите, Молли, гадалка я плохая, но камень подскажет, к кому на самом деле лежит ваше сердце... Джек, опишите мне своего трейдера, и мы прикинем, стоит ли ему доверять... Эйб, а вы уверены, что старая материнская плата так уж и просит свидания с паяльником?

Получилось весело и как-то очень по-домашнему. Гости оказались на удивление милыми людьми, даже полковник (ну, не перебарываю я хладнокровных убийц, пусть и на пенсии). Жили они дружно и любили свой городишко. Вдобавок старшее поколение было крест-накрест схвачено полуистлевшими узами любовных привязанностей, деловой конкуренции, зависти, обмана и лицемерия. В их прошлом угадывалось многое – пьянки, секс, выяснение отношений на кулаках и в суде. Но они не помнили зла, а помнили добро. Потому что город мал, сообщество тесное, и если не научишься людей прощать, это отравит твою жизнь здесь.

Они мне понравились. Они и их городок.

Нет, я не испытывал желания застрять в городке надолго. У меня были несколько иные приоритеты, а старость я вообще рассчитывал встретить на родине. Все-таки, в отличие от Билли, родина у меня не «историческая», а настоящая. Даже войди сейчас Кларисса и скажи: «Айвен, я твоя навеки!» – ей пришлось бы смириться с моим выбором. Но... Здесь и сегодня мне было тепло. Ни в одном мегаполисе не найдешь такой нефальшивой компании. В мегаполисах каждый за себя, а значит, в любую секунду может показать клыки.

– А у тебя что пропало, малышка?

Я будто очнулся. Билли сидел на корточках перед крошкой Роудс и улыбался ей самой доброй из своих фирменных улыбок.

Девочке было около семи лет, и она боялась. В ее душе поселился глубокий inferнальный страх.

Наведенный страх. У девочки был друг, с которым она существовала в очень тесной связи. Этот друг нехорошо погиб и успел перебросить малышке фантом смертного ужаса.

– У нас собака потерялась, – сказал за девочку краснолицый папа Роудс. – Ее любимец. Возилась с ним, как с игрушкой. Старый пес, ирландский терьер. Так и звали его – Терри. Мы выбрались на пикник, и Терри убежал в лес. Он был уже подслеповат, наверное, просто заплутал и умер.

– А что у вас там? – спросил Билли, глядя поверх голов.

Строго на север.

Я почувствовал, что сейчас, впервые за вечер, Билли работает всерьез.

Папа Роудс часто заморгал.

– Да, это именно там, – согласился он. – Это северный лес, в него не ходят. То есть я неправильно выразился, очень даже ходят, и за грибами, и для пикников место отличное. Но по самому краю. Если углубиться, примерно через милю лес редет, и начинаются болота. Там когда-то торф копали, потом бросили. Никто не взялся их осушить. Собственно, незачем.

– Покажите мне Терри, – сказал Билли.

Цепочка, свисающая из кулака, опять раскачивалась. Туда-сюда. Вечно она раскачивается. Это слабая моторика. Вам кажется, что кулак неподвижен, на самом деле он чуть-чуть колеблется.

– Ага-а... – протянул Билли. – Малышка, а теперь ты. Я попрошу тебя вспомнить Терри. Закрой глазки и представь его.

Ему понадобилось много времени, больше, чем обычно. Как и следовало ожидать, через полминуты девочка расплакалась.

– Извините, – сказал Билли. – Честное слово, мне очень жаль. Но иначе никак.

– Ничего-ничего, – соврал папа Роудс.

На самом деле он уже жалел, что пришел. И колебался между желанием сразу увести семью домой и заманчивой идеей сначала дать Биллу в глаз.

Девочка сидела на руках у мамы, прижавшись щекой к ее груди. Плакала она тихо и горько. Очень по-взрослому.

– Послушай, милая, – Билли склонился к девочке. – Думаю, ты уже догадалась, что Терри умер. Но я хочу сказать, что умер он легко и светло. Он просто лег под деревом и заснул. И не проснулся. Он ведь был уже старый. И умер от старости.

Девочка медленно повернула к Биллу мокрое личико.

– Правда? – спросила она.

– Правда, – кивнул Билли.

– Честное слово?

– Честное-пречестное.

– А мы найдем его? Терри надо похоронить.

– Боюсь, не получится, лапочка. Мой камень не может подсказать, где именно уснул Терри. Он только сообщил о том, что случилось и как это произошло.

Девочка вздохнула и опять спрятала лицо у мамы на груди.

– Извините, – повторил Билли.

На папу Роудса он старался не смотреть.

Тут улицу затопил характерный низкий гул, и прямо к двери подрулило что-то мощное и недешевое.

– Никак молодой Вейланд? – удивилась бабушка и пошла открывать.

В дверь уже трезвонили.

Билли с заметным облегчением выпрямился и расправил плечи.

– Только без эксцессов, – попросил я.

– Но он же хочет неприятностей! – заявил Билли. – Молодой, богатый, пьяный и на «Корвете» – чего он может искать кроме неприятностей на свою жопу? Простите, дамы. Вырвалось.

– Все точно, Вильям. Очень верная характеристика, – сказала вдова Креймер.

– Согласен, – кивнул полковник.

И даже папа Роудс что-то утвердительно буркнул.

– Ну, где этот ваш прорицатель? – донеслось с порога.

– Ехал бы ты домой, парень, – отвечала бабушка.

– А если мне нужна помощь? Не откажет же он в помощи человеку!

– Тебе нужна не помощь, а две таблетки «Алка-Зельцер» перед сном. Проверенный рецепт. Утром будешь как огурчик.

– Это просто не по-христиански, мэм, так вот прогонять от крыльца изнуренного странника...

Я подошел к двери. На пороге стоял молодой красавец в помятом дорогом костюме. Встрепанная шевелюра придавала юноше богемный вид, но только на первый взгляд.

– Мой друг устал и не сможет вам помочь, – сказал я. – Сожалею. Приходите завтра.

Парень был похож на отца, но у того я не замечал такой наглой ухмылки. Я даже представить ее не мог на лице Вейланда.

За спиной парня виднелся синий «Корвет», уделанный аэродинамическим обвесом по самое не могу. Несчастливая машинка. Обычно на таких навороченных «Корветах» ездят те, кто не умеет их толком водить.

– Пусть хоть покажется, – требовал парень. – Раз уж меня не пускают в дом.

– Вот он, я, – сказал Билли у меня за спиной.

– Ага! – обрадовался парень. – Привет! Есть деловое предложение. Выйди, а?

– Грег Вейланд!!! – повысила голос бабушка.

– Да все нормально, мэМ Харт, вы же меня знаете!

– Я тебя знаю, – кивнула бабушка. – Поэтому все деловые предложения – только при свидетелях.

Я спиной ощущал, как в гостинной нервничает полковник. Хоть и трухлявый уже пень, он мог бы завалить Грега одним щелчком. Да тут любой из стариков одолел бы парня. Даже Эйб, что с паяльником, что без. Это все были осколки вымирающей Америки, страны-легенды, где ковбойские сапоги носили не для понта.

И все они нервничали. Деньги Вейландов пугали их.

Две вещи, которые бесили меня на родине и здесь. Россия ненавидела чужое богатство. Америка его боялась.

– Ну, в общем, – начал Грег, – мы тут с ребятами задумали погоняться...

– Я похож на уличного гонщика? – перебил Билли.

– У тебя неплохая тачка.

– Она на штрафной стоянке. До свидания, молодой человек. Передайте отцу поклон. Было приятно иметь с ним дело.

– Ясно, этот зассал. А ты? – Грег перевел стеклянный взгляд на меня.

– Я тоже не гоняюсь с любителями, – дернул меня черт за язык. – И моя машина тоже на штрафстоянке.

– Конечно, я любитель, – заскромничал Грег. – Но стоит мне шевельнуть пальцем, и ваши тачки отпустят. Прямо сейчас. Поехали, заберем их.

– Мы намерены отдохнуть сегодня вечером, – сказал я, старательно имитируя светскую учтивость. – Поэтому, при всем уважении, просим нас простить.

– Хм... Ладно, поехали, заберете тачки просто так. Просто заберете. Это же не дело – оставлять машину копам.

– Благодарю вас за заботу, Грег, но у нас все в порядке. Пусть машины побудут там. Под охраной.

– Издеваетесь, да? – с надеждой спросил Грег.

– Мне надоело, – сообщила бабушка. – Протрезвей, мальчик!

И крепко двинула Грега локтем в грудь.

Парень задом соскочил с крыльца и зашатался, пытаясь удержать равновесие. Бабушка захлопнула дверь и повернулась к нам с Биллом.

– Не соглашайтесь, что бы он вам ни предложил, – сказала она строго. – Грег испорченный мальчишка, у него на уме только подлость. Кое-кто уже остался без машины, поддавшись на его уговоры. А кое-кто полежал в больнице.

На улице взревел форсаж. Дом трянуло. Придурок Грег дал понять, что о нас думает – развернул «Корвет» на месте, поднял его и газанул над домом. Урод. Неважно, что он нарушил правила вообще и технику безопасности отдельно. Просто в культурном обществе такой маневр равняется плевку в лицо. За проход над головой морду бьют, когда поймают.

– Мы не гоняемся с любителями, мэМ, – повторил я. – Сказать по чести, мы и с профессионалами не гоняемся. Наш бизнес – скорость и надежность. Тут не до баловства.

– Но за предупреждение – спасибо, – добавил Билли. – Ваня, пойдём-ка на минуточку. Хочу тебя спросить.

На кухне Билли открыл холодильник и достал не пиво, как я ожидал, а просто минералку.

– До чего же хотелось зарядить ему в лоб! – признался Билли, скручивая крышечку. – Явился, понимаешь... Индивидуум, хлоп его железку! Ага, холодненькая...

– Жарко стало?

– Не без этого. Ванья, мне не нравится история с собакой. Хреново она умерла. В диком испуге.

– Знаю. На дочке Роудсов висит фантом, я его прочитал.

– Его можно снять? Жалко кроху, сил нет. Она и так проблемная девочка, только ей лишней травмы не хватало.

– Я посмотрю, Билл. Черт побери, что за дерьмо сидит у них в болоте? Если с ним не разобраться, проблемных девочек будет полный город.

– Да, – согласился Билли, – там прячется какое-то на редкость вонючее дерьмо. У меня аж мурашки по коже. Интересно, лейтенант именно в болото нас загнать хочет? Может, спросим его прямо сейчас?

– Вечер безнадежно испорчен?

– Значит, надо безнадежно испортить его какому-нибудь хорошему человеку!

– А то сначала выспимся?

Билли наморщил лоб, подумал и сказал:

– Тоже верно. Если услышишь, как скрипит кровать, не пугайся – это мне снится Кларисса.

Когда мы вышли из кухни, гостиная оказалась пуста, и бабушка Харт убирала со стола. Мы кинулись помогать.

– Спасибо, мальчики, – сказала бабушка. – Гости разошлись, пока вас не было. Вы уж меня извините за это сборище, но я не смогла от них отвязаться. Вынь да положь им прорицателя со Всевидящим Камнем.

– Это мой крест, – вздохнул Билли. – И тащить его на своем многострадальном горбу я намерен смиренно. Да и о чем роптать мне, грешному? Кто я был, пока не попал в мои недостойные руки сей космический булжник? Простой трудящийся. А теперь я – ого-го! Великий черный маг Вильям Мбабете, хлоп твою железку! Простите, мэм, вырвалось.

– Пускай вырывается, не держите в себе. Я работала школьной учительницей, – сообщила бабушка, загружая посуду в мойку. – Не такое слыхала. Да и супруг мой покойный, светлая ему память, уважал крепкое словцо.

– У северного леса всегда была дурная слава? – спросил внезапно Билли.

Бабушка задержала палец над кнопкой включения мойки.

– Не-ет, – протянула она. – Нет. На моей памяти даже в болоте никто не утонул. Хотя по лесу бродили люди, зачастую сильно пьяные. Грибов там много и рядом традиционное место для пикника. Но к болоту просто никто близко не подходил, там же делать нечего, да еще и москитов видимо-невидимо. А вот последнее время...

– Исчезла не только собака? – предположил я с замиранием сердца.

Очень мне хотелось ошибиться.

– Я думаю, лейтенант из-за этого так вцепился в Вильяма, – сказала бабушка. – Собака... С собаки началось. На следующий день в лесу потерялась девочка. Одиннадцать лет. Хорошая была девочка, Сара Сэйер, я ее знала.

– Но ребенок не может пропасть! – почти закричал Билли.

– Может, если его детский браслет не отзывается.

Билли как стоял, так и сел.

– Тоже пикник? – спросил я, стараясь не впечатляться.

– Нет-нет, все сложнее. Сару считали немного странной, родители даже показывали ее психиатру, но тот сказал, что все в пределах нормы. Она была довольно замкнутой и свободное время отдавала увлечению, которое тут принимали за пустую блажь. А из девочки мог получиться отличный эколог. У нее с раннего детства проявилась «зеленая рука». Слышали? Так говорят про тех, кто умеет договариваться с природой. Сара держала мелких зверушек, прекрасно разбиралась в цветах и травах, даже мне иногда давала советы – видели мой садик?

И много бродила по окрестностям. Пропадала в лесу подолгу. Это никого не пугало, ведь живем мы тут, в общем, по-деревенски. Любой школьник знает каждую тропинку в радиусе пяти, а то и десяти миль. И эти браслеты... Они здорово расхолаживают. Родители становятся беспечны...

Разумеется, подумал я, в детском браслете кроме навигатора и мини-кома еще целый диагностический комплекс и SOS-маяк. Одно название, что детский, на самом деле он военный. Вся разница, что с солдата его может снять командир, а с ребенка – мать или отец. Тут поневоле забудешь, как за отпрысками присматривать. Скоро такое неприкаянное поколение вырастет, нам не чета. Греги Вейланды в широком ассортименте.

Если браслет молчит, вероятно, он уничтожен. Сапогом его не раздавишь, молотком не разобьешь. Я представил себе медвежьи челюсти, сжимающиеся на тонком запястье. Бедная девочка.

– Интересно, – пробормотал Билли, – на собаке был маячок? Не догадался спросить.

– Я слышала, был. И он тоже не отвечает.

– Как узнали, что девочка пропала именно в северном лесу?

– Ее велосипед лежал под деревьями. И мать подтвердила. Лес прочесали очень тщательно. Обследовали болото с воздуха, но ничего не нашли. Это случилось... Сегодня был девятый день.

Мы с Билли переглянулись, и мне стало немного стыдно. Выдрючиваемся тут третьи сутки, а Сара... Да ну, глупости. Лейтенант не надеется отыскать ее живьем. Поэтому и не мобилизовал нас сразу, без уговоров. Лейтенант ищет останки. Или он думает, что ребенок в бегах?

– Дети иногда убегают из дома, – сказал я. – Умненькая скрытная девочка, о приватной жизни которой мало что известно... У нее могли найтись самые невероятные поводы инспектировать гибель.

– Я хочу еще кофе, мальчики, – сказала бабушка. – Сделать на вашу долю? А вы пока сообразите, как одиннадцатилетняя девочка заблокировала свой браслет. Это не каждый взрослый сумеет.

– Не дури, Ванья, хлоп твою железку, – посоветовал Билли. – Лейтенант уверен, что Сара погибла. Да весь город уверен. Иначе нас погнали бы на поиски еще в субботу. И ты сам знаешь, что в болоте сидит какое-то дерьмо.

– Если над болотом летали, то просканировали его насквозь, – продолжал упираться я. – Кстати, мэм Харт, а кто этим занимался?

– Сначала копы, потом спасатели.

– Слыхал, Билли? И тем не менее, ты уверен, что в болоте что-то есть, а, напарник?

– На все сто. А ты нет?

– На двести, – признался я уныло. – Черт возьми, до чего гнилое, тухлое, противное дело.

– Вы хорошо помните Сару Сэйер, мэм?

– Да, Вильям, – бабушка с готовностью повернулась к Билли.

– Не надо, не надо, – отмахнулся тот. – Девочка мертва. Ее не видно и не слышно. Искать будем завтра. Я сейчас не в той кондиции, да и ночь на дворе.

– А камень-то у вас не в руке, Вильям, – заметила бабушка. – Значит, когда он на шее, вы тоже с ним чувствуете связь?

– Разумеется, мэм. Я беру камень в руку, чтобы великий черный маг Вильям Мбабете производил впечатление посильнее. Не будь мы на связи постоянно... Вы же знаете, что случилось в пятницу. А камень висел на своем обычном месте. Простите за это напоминание, но уж больно пример... Живой и выпуклый.

Я припомнил выпуклости барышень Харт и чуть не облизнулся. С мордашками девицам не повезло, но все остальное выросло у них первый сорт.

Бабушка протянула кофе Биллу, и я вдруг понял – она смотрит на него с сочувствием.

– Бедный Вильям, – сказала бабушка. – Вы действительно несете это на себе как... Как...

– Как крест, – легко закончил Билли. – А хрен ли? Куда деваться-то? Досталось – неси...

Ванья, ты чего там ищешь с таким энтузиазмом?

Я пристегнул ком обратно на руку.

– Прикинул по частотам, может ли какая-то техника глушить SOS-маяки детей и собак.

– Не может, – помотал головой Билли.

– Ты прав, это пустая идея. Их забьет любой движок с неисправным шумоподавителем.

Но такое чудо тархтело бы на всю округу. Его бы сразу нашли.

– Детектив прямо. Кто сидит в болоте?

– Пиявки и москиты. И завтра они тебя покушают.

– Соси бензин! – взвился Билли.

Как многие высокие сильные мужчины, выросшие на асфальте, Билли терпеть не может всякую кусачую живность.

Вторник. Утро

Спускаемся, позевывая, со второго этажа, а в гостиной лейтенант сидит, бабушкин кофе пьет.

– А где Кларисса? – спрашивает Билли.

Лейтенант от неожиданности давится кофе, проливает его себе на штаны, кашляет и пучит глаза.

Бабушка дает ему раскрытой ладонью по спине.

– Спасибо, мэм... – сипит лейтенант. Хватает салфетку и пытается оттереть кофе от штанов.

Я учтиво бормочу «доброе утро» и подсаживаюсь к яичнице с беконом.

– Если эта информация жизненно необходима вам, дорогой Вильям, – говорит лейтенант, неприязненно оглядывая Билли, – то докладываю: Кларисса в офисе, работает с документами. Чем будет заниматься потом, не знаю. Что ела на завтрак, не знаю. Какого цвета носит трусы, не знаю. С кем у нее сейчас роман, тоже не знаю. Еще вопросы?!

– Нет у нее сейчас романа, – говорит бабушка Харт. – Девочка решила взять тайм-аут.

Лейтенант раздраженно косится на бабушку.

Билли довольно потирает руки. И тут же хватается за тарелку с яичницей, дабы никто лишнего не подумал.

Но все думают именно это.

– Лейтенант, – говорю я, чтобы замять щекотливую тему. – Можно интимный вопрос?

– А у вас другие бывают?

– Представьте, что к вам обратился Грег Вейланд и попросил освободить из-под ареста пару машин. Ваши действия?..

– Вам нужны машины?

Лейтенант роется в кармане и выкладывает на стол ключи.

В принципе, чтобы забрать машины, нам это без надобности. Мы ключи можем копам раздаривать хоть по всей трассе. Только лучше потом на всякий случай менять коды доступа. Ключи – так, симпатичный рудимент, дань традиции. Знак власти над техникой.

– Это к вопросу о доверии между людьми доброй воли, осознал? – оборачивается лейтенант к Билли.

– Ты Ванье ответь, хлоп твою железку, – говорит Билли.

– Хорошо, отвечу. Я предложил бы лоботрясу Грегу пойти соснуть бензина. А в чем дело? В дверь звонят. Бабушка, недоуменно пожимая плечами, идет открывать.

– А в том дело, – объясняет Билли, жуя, – что прошлым вечером этот лоботряс предлагал нам получить машины с твоей стоянки. Ему, видишь ли, погоняться не с кем, хлоп его железку.

– И предлагал очень уверенно, – добавляю.

– Не люблю я, – говорит Билли, – коррупцию любого сорта, а полицейскую коррупцию особенно. Потому что если копам не верить, тогда вообще кому верить, хлоп твою железку?!

Лейтенант сидит перекошенный, будто его самолюбие в болото обмакнули.

А в гостиную входит старый Вейланд. Бряцающая шпорами и небрежно помахивая настоящей «пятигаллонной» шляпой.

– Доброе утро, лейтенант, – говорит он. – Здравствуйте, господа. Вильям! Айвен!

Рука у старого крепкая и сухая. И сам такой же.

Бабушка наливает Вейланду кофе, тот с наслаждением пьет. И сразу быка за рога.

– Вильям, – говорит. – Я слышал, вы тут ведете, образно выражаясь, частную практику.

Окажите услугу, а?

– Да не вопрос, сэр.

В отличие от Грега, этот Вейланд нравится Биллу. Да и мне тоже. Есть что-то привлекательное в крупном финансисте, который в один прекрасный день передает бизнес старшему из сыновей, а сам возвращается на ранчо, откуда родом, и разводит скот, наслаждаясь жизнью.

Если бы он еще младшего сына к делу пристроил, или хотя бы драл его раз в неделю своим тяжеленным ремнем – цены бы Вейланду не было.

– Я, наверное, на улице подожду, – лейтенант встает.

– Что вы, Гибсон! – усмехается Вейланд. – Какие секреты. Оставайтесь, вам будет интересно. Это, собственно, хм... Причуда немолодого коллекционера. Ребята, я насчет того Хогарта, что вы мне привезли.

– Отличный Хогарт, – говорю. – Прямо как настоящий.

Теперь очередь Вейланда подавиться кофе, но он чашку уже на стол поставил.

– Простите?..

– Нет-нет, сэр, я не настолько разбираюсь в живописи. Хотел сказать, что ваш Хогарт производит впечатление настоящего. Он и правда чертовски хорош. Аж завидно.

– А вы работайте побольше, Айвен, – советует Вейланд. – Тогда сможете позволить себе картинку над койкой на старости лет.

– Мы пашем, как два кентавра, – заверяет Билли, отодвигая пустую тарелку и снимая камень с шеи. – Когда разбогатеем, я повешу над своей одинокой кроватью «Черный квадрат», а Ваня – «Белый».

Вейланд довольно хохочет. Лейтенант чешет в затылке.

– Так что Хогарт? – спрашивает Билли, привычно качая цепочкой.

– Да вот, смотрю на него, смотрю, четвертый день уже смотрю, и пытаюсь сообразить, где меня накололи. Что это не копия, даже не авторская, я уверен. Моего агента обмануть трудно. Значит, дело в сумме. Можете прояснить? Хотя бы порядок цифр?

– Вы с агентом давно работаете, сэр?

– Лет десять. Вот он, – Вейланд смотрит Билли в глаза.

Билли покачивает цепочкой.

– А почетче? И помягче. Не напрягайтесь так.

Вейланд зажмуривается.

– Гы! – Билли странно хмыкает. – Гы! Гы-гы-гы!

– Это что значит? – удивляется Вейланд, приоткрывая один глаз.

– Ой, умора. Нет, сэр, все штатно, не обращайтесь внимания. Итак, что могу доложить... Хогарт аутентичный. То есть и агент, и продавец убеждены в его подлинности. Но цену вам объявили завышенную... Так, так... Где-то в пределах ста тысяч. Сочувствую, но инициативу проявил агент.

– С-сукин с-сын... – шипит Вейланд.

– Разницу в цене они поделили с продавцом. Гы! Извините, сэр, просто этот ваш агент на бабе сейчас. А у некоторых, между прочим, начало рабочего дня! Хотите, я ему в отместку всю любовь испорчу?

– Еще бы не хочу! Да чтоб у него все отсохло! А получится?

– Само упадет. Понимаете, сэр, чтобы камень считал с кого-то такую информацию, как цифры и имена, человек должен ее припомнить. Камень подтолкнул вашего агента в требуемом направлении, и тот начал вспоминать, вспоминать... Сам уже вспоминает, не может остановиться. И нервничает, потому что совесть нечиста. Боится вас. Нервничает. Боится... Всё, упало! Упа-а-ло! Гы-гы-гы! Соси бензин, аферист несчастный!

Начинается ржач. Вейланд и Билли радуются, как дети.

Лейтенант отчего-то нервничает и боится.

– Так ему! – орет довольный Вейланд, толкая Билли кулаком.

– Делов-то, хлоп твою железку!

– Хорошо, – Вейланд успокаивается. – Какое облегчение! Терпеть не могу непроясненных ситуаций. Вильям, давайте сюда ваш ком. Сумму набейте сами.

– Исключено, сэр, – Билли отрицательно машет ладонью. – Вас и так на деньги выставили. И вы наш клиент.

– Как скажете, – соглашается Вейланд. Чувствую, именно такого ответа он ждал. – За мной не пропадет.

– Можно интимный вопрос, сэр? – встречаю я.

Вейланд поднимает брови.

– У Айвена других не бывает, – объясняет лейтенант.

– Кажется, Грег любит уличные гонки?

– Мой Грег? О, черт! Он к вам приставал с этим?! – Вейланд кривится, будто от боли в желудке. Ему действительно стыдно. – Нашел, к кому цепляться, идиот! Простите, Айвен, моя вина. Распустил я мальчишку. А приструнить его духу не хватает – ведь сам в молодости любил быструю езду... Теперь хоть есть что вспомнить! Я ему скажу. Он больше к вам близко не подойдет. Да он и не посмел бы, если бы знал, кто вы такие!

– Я только хотел предупредить, сэр, что нас с Биллом почти невозможно уговорить гоняться. Но если кто-то нас достанет, мы не поедem с ним за деньги. Вы готовы подарить Грегу новый «Корвет»?

Вейланд щурится. Азартен старый. До сих пор азартен.

– Я подарю ему упаковку памперсов! – смеется Вейланд. – А вы серьезно можете поставить «Тэ-пятую эво» против «Корвета»? На трассе порой случаются досадные неожиданности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.